

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**

**КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Азиз ШАРИФ**

ЖИЗНЬ И ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО САБИРА

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1951 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат филологических наук
Азиз ШАРИФ

ЖИЗНЬ
И ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО
САБИРА

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Китайский проезд, 3, Редакционно-издательскому отделу Общества.

Редактор — член-корреспондент АН СССР **Е. Э. БЕРТЕЛЬС.**

Объём — 2 печ. л.

Заказ № 1508.

А 07976. Подписано к печати 25/IX 1951 г.

Тираж — 125 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Среди выдающихся представителей азербайджанской дореволюционной литературы особое место, как поэт-сатирик, поэт-гражданин, революционный поэт, занимает Мирза-Алекбер Таирзаде, известный под псевдонимом Сабир (Терпеливый).

Сабир как поэт-сатирик определился в период русской революции 1905 года и, примкнув к революционно-демократическому течению в азербайджанской литературе, стал одним из передовых его деятелей.

Эпоха, в которую началось сатирическое творчество Сабира, характеризуется подъёмом революционного движения, когда под непосредственным воздействием революционной борьбы русского пролетариата широкий размах приобрела борьба рабочих и крестьян Закавказья против царского самодержавия. Начало этого революционного подъёма в Закавказье связано с грандиозной стачкой бакинских рабочих, которая продолжалась под руководством товарища Сталина с 13 по 31 декабря 1904 года и имела своим результатом заключение первого в истории рабочего движения России коллективного договора с нефтепромышленниками.

Вслед за бакинской стачкой, в январе 1905 года, состоялась всеобщая забастовка в Тифлисе, открывшая полосу всеобщих стачек и забастовок по всему Закавказью. За 1905 год приходилось, по данным официальной статистики, стачек на каждого рабочего: в Баку 4,56 раза, в Тифлисе 4,49 раза. Забастовки и стачки рабочих перерастали обычно в вооружённые демонстрации и столкновения с полицией и войсками¹.

Подъём революционного движения, сопровождавшегося вооружёнными восстаниями, захватом помещичьих земель, отказом от уплаты налогов, бойкотом помещиков, духовенства и правительственных учреждений, наблюдался и в закавказской деревне, в частности, в Азербайджане. Движение крестьян росло под сильным влиянием героической борьбы славного бакинского пролетариата.

«Массовые выступления рабочих, демонстрации, стачки, вооружённые столкновения с войсками и полицией — таков был путь бакинского пролетариата в его беспощадной борьбе против царя, буржуазии и помещиков. В этой борьбе рождались

¹ См. Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 55—56. Госполитиздат. 1938.

бесстрашные пролетарские герои, мужественные борцы революции. Огненное сталинское слово зажигало сердца людей, вело их на великие революционные подвиги»¹.

Лучшая, передовая часть азербайджанской интеллигенции относилась к этой борьбе рабочего класса с горячим сочувствием и по мере своих сил принимала в ней участие. В числе первых азербайджанских писателей, вставших на сторону борющихся рабочих и крестьян, был Джалил Мамед-Кули-заде (1869—1932), с художественным творчеством которого связано зарождение нового, революционно-демократического течения в азербайджанской литературе. Дж. Мамед-Кули-заде основал известный сатирический журнал «Молла-Насреддин», который начал выходить в Тифлисе с весны 1906 года и после некоторого перерыва был возобновлён уже в советское время — с 1921 г. по 1931 г. — в Баку.

В годы подъёма революционной волны и последовавшей затем мрачной реакции в России журнал «Молла-Насреддин», сплотивший вокруг себя лучших представителей тогдашней демократической азербайджанской интеллигенции, смело выступал против царского полицейско-колониального режима, против азербайджанских помещиков и капиталистов, против религиозных фанатиков и мракобесов, против буржуазных националистов — панисламистов и пантюркистов.

Журнал с революционно-демократических позиций освещал положение полуколониальных народов бывшей царской империи, рисовал безрадостную жизнь и революционную борьбу трудящихся масс Азербайджана и всего Ближнего Востока против агрессии империалистических держав, часто касаясь и весьма отдалённых мусульманских стран Азии и Африки.

Азербайджанский народ выдвинул в эти годы своих лучших сынов в ряды революционной социал-демократической партии. Под руководством товарища Сталина революционную работу среди бакинских рабочих масс неустанно вели замечательные большевики Мешади Азизбеков, Буниат Сардаров, Ханлар Сафаралиев, Муктадир Айдинбеков, Кази Магомед, Мамедъяров, Мир-Башир Касумов, Бала-Ами Дадашев, Амир-Аслан и др.

Ещё в 1904 году по инициативе товарища Сталина была создана социал-демократическая группа «Гуммет» для ведения революционно-массовой работы среди азербайджанских рабочих. Возглавлял эту группу, входившую в бакинскую большевистскую организацию и работавшую под руководством Бакинского комитета РСДРП, верный ученик товарища Сталина пламенный большевик Мешади Азизбеков².

В эти же годы из среды азербайджанской демократической интеллигенции выдвинулись общественные деятели, которые своей

¹ М. Д. Багиров. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана, стр. 70. Госполитиздат. 1949.

² См. там же, стр. 54.

борьбой против средневекового застоя, против невежества и косности, против национального гнёта и классовой эксплуатации оказывали действенную помощь пролетариату в его борьбе за торжество великих идей социализма.

В числе этих славных сынов свободолюбивого азербайджанского народа был и Сабир, замечательный поэт и борец за освобождение не только своего народа, но и всех угнетённых народов Ближнего Востока.

I

Мирза-Алекбер Таир-заде родился в городе Шемахе 19 (31) мая 1862 года.

Окружавшая будущего поэта среда отличалась глубоким религиозным фанатизмом.

Первоначальное образование Сабир получил у моллы, который обучал его корану, а также персидскому и арабскому языкам; однако вскоре (в 1874 году) в Шемахе открыл школу известный уже тогда поэт и педагог Сеид-Азим Ширвани, преподававший по новому, звуковому методу. В его школе наряду с общеобразовательными предметами проходили азербайджанский, русский и французский языки.

Сабиру посчастливилось попасть в эту школу, но больше двух лет ему не удалось пробыть в ней: отец взял его к себе в лавку помогать в торговых делах. Однако будущий поэт не был расположен к торговле и всё своё время посвящал чтению книг, которые ему случайно удавалось доставать. Одновременно он записывал в свою карманную книжку стихи, любовь к которым развивал в нём его учитель Сеид-Азим.

Сеид-Азим Ширвани (1835—1888) принадлежит к числу наиболее даровитых и прогрессивных азербайджанских поэтов второй половины XIX века. Природный ум, крупный поэтический талант, обширные знания в области восточных языков и литературы, активное участие в общественной и культурной жизни родного города Шемахи — всё это выдвинуло его в первые ряды просвещённых людей своего времени. В его весьма богатом поэтическом наследии мы находим наряду с замечательными по красоте и чеканности лирическими газелями и остро-сатирические стихотворения, затрагивающие социальные темы, и памфлеты, направленные против духовенства.

Под влиянием Сеид-Азима Ширвани и начал свои первые поэтические опыты Сабир. Ещё в ученические годы он написал несколько небольших стихотворений и сделал отдельные переводы из Саади (1184—1291).

До 23-летнего возраста Сабир безвыездно жил в родном городе Шемахе. К этому времени он был уже в числе признанных поэтов своего города.

В 1885 году Сабир отправился в путешествие и в течение нескольких лет странствовал по Ирану и Средней Азии.

Внезапная смерть отца вынудила его вернуться в Шемаху, чтобы позаботиться о семье, оставшейся без кормильца. Тяжёлые материальные условия, в которых жил Сабир, с каждым годом всё более осложнялись, и он вынужден был на некоторое время вовсе отказаться от поэзии.

В 1900 году, по окончании медицинской школы в Тегеране, вернулся в Шемаху поэт Аббас Сихат (1874—1918), сыгравший большую роль в формировании поэтического таланта Сабира.

Аббас Сихат, уже у себя на родине, в Шемахе, изучивший русский язык и познакомившийся с образцами передовой русской литературы, за короткое время сплотил вокруг себя передовые культурные силы города. Немногочисленная шемахинская интеллигенция часто собиралась у Аббас Сихата для литературных бесед. Сихат знакомил собеседников с произведениями русских и европейских поэтов, которые он переводил на родной язык.

Нарастающие революционные события 1905 года захватили Сабира. В его творчестве появились первые стихи на гражданские темы. К числу этих стихотворений относится «Интернационал» («К согражданам мусульманам и армянам»), написанный по поводу кровавых армяно-азербайджанских столкновений, спровоцированных в 1905 году царским правительством при прямой поддержке азербайджанских и армянских помещиков и капиталистов. В этом стихотворении Сабир призывал два братских народа к прекращению вражды и к дружбе:

Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единении — час настал!¹

Но это было только началом становления поэта-революционера. Толчок к пробуждению подлинного поэтического дарования Сабира был дан сатирическим журналом «Молла-Насреддин» (1906—1931).

Когда Сабир стал сотрудником этого журнала, ему было уже за сорок лет, но в течение последующих пяти лет жизни он успел сторицей наверстать упущенные годы.

Нелегко приходилось Сабину на этом новом поприще поэта-журналиста, участника органа революционной демократии. Журнал «Молла-Насреддин» был объявлен духовенством еретическим; моллы повсюду в мечетях объявляли гяурами и вероотступниками всех, кто осмеливался «осквернять» свои руки прикосновением к этому «чёртову творению»; издатели и сотрудники журнала были объявлены вне религии ислама.

Сабир был вынужден с самого начала скрыться под псевдонимом «Хоп-Хоп» (Удод). Впоследствии, когда псевдоним этот был

¹ Все стихи Сабира приводятся в переводе Павла Панченко из книги Сабира «Сатира и лирика» (Хоп-Хоп-намә). Большая серия «Библиотеки поэта». Изд. «Советский писатель». Ленинград. 1950.

раскрыт, он стал часто его менять или помещать сатиры без подписи.

Но очень скоро тактика Сабира была разгадана, его участие в журнале было установлено, автор бичующих строк был раскрыт. Его сатиры узнавались по меткости, целеустремлённости, остроте.

Правоверные шемахинские фанатики не могли вынести такого «позора», и Сабир был подвергнут бойкоту. Мещанское общество стало преследовать поэта, дерзнувшего поднять руку на освященные веками обычаи и адаты.

Вот что писал поэт в одном из своих писем этого периода:

«В прошлом году я решился было оказать услугу своим землякам, но в ответ на это я получил вместо награды одни оскорбления, от которых много страдал. Сила и терпение у меня вконец исчерпаны. Подобно Юсифу¹ я очутился в плену у своих братьев: один награждает меня пощечиной; другой, когда я бросаюсь к нему с открытыми объятиями, опускает свой кулак на мою голову; когда, отвернувшись от него, я обращаюсь к третьему, тот отталкивает меня в грудь, бьет по зубам; когда отхожу от этого, еще один бьет меня в спину, и я падаю ничком...

Положение невыносимое. Жизнь моя похожа на жуткую драму. Оставаться в Шемахе больше нет сил!»

Упоминаемая в начале письма «услуга своим землякам» выражалась в том, что поэт задумал открыть, подобно своему старому учителю Сеид-Азиму, школу, назвав её «Школой надежды».

В течение трёх лет поэт-сатирик, имя которого гремело по всему Ближнему Востоку, сатиры которого заучивались наизусть, с восторгом распевались трудящимися Азербайджана, звучали на тавризских революционных баррикадах, влачил тяжёлое существование. Но ничто не могло сломить его волю к борьбе. Наоборот, то были годы наивысшего расцвета его таланта. Сабир продолжал посылать из Шемахи в журнал дышащие жгучей ненавистью к старому миру, страстно зовущие к борьбе стихи.

После долгих мучений, лишь осенью 1910 года, Сабиру удалось, сдав экзамен на звание учителя, получить место преподавателя в одном из рабочих районов города Баку, в Балаханах.

Здесь, уже находясь в зените своего творческого расцвета, Сабир впервые получил возможность непосредственного и повседневного общения с передовыми промышленными рабочими, ближе присмотрелся к их быту, труду и борьбе. И это ещё более приблизило Сабира к революционному пролетариату, расширило его кругозор, усилило его ненависть к эксплуататорскому миру.

Но смерть уже подстерегала поэта, ослабшего от постоянной нужды и лишений, от неравной борьбы и неотступных преследований. Обострившаяся болезнь печени вынудила Сабира оставить работу в Баку, где он, кроме преподавания в школе, исполнял ещё

¹ Намёк на библейского Иосифа Прекрасного, которого из зависти хотели погубить его братья.

обязанности ночного корректора в одной из азербайджанских газет, и в начале 1911 года он вернулся в Шемаху.

При материальной помощи и поддержке друзей и редакции журнала «Молла-Насреддин» Сабир отправился в Тифлис на лечение, но, отказавшись от тяжёлой и рискованной операции, скоро опять возвратился на родину, в город Шемаху, где и скончался 12 (25) июля 1911 года.

II

Обладая недюжинным поэтическим талантом, впитав в себя веками слагавшиеся традиции передовых классических поэтов Азербайджана, Сабир до известного периода ограничивался лирическими газелями в стиле классической поэзии Азербайджана.

Из этого наследия Сабира дошло до нас немного произведений, всего с десятков газелей и несколько мелких стихотворений, но и в этих образцах раннего творчества Сабира чувствуется горячее сердце, наблюдательный глаз, пытливый ум, находчивость и остроумие, ставшие столь характерными для последующего периода его творческого развития.

И в то же время чувствуется, что этот талант скован устарелыми поэтическими формами, условностями, тематической ограниченностью, рвётся из узких рамок восточного классицизма, средневековой схоластики, ждёт своего освобождения.

Освобождения пришлось ждать недолго.

В мрачный мир средневекового застоя, в мир, державший поэта в плену, проник слабый, едва уловимый луч света — на Кавказе появились азербайджанские газеты; и поэт, жаждавший воздуха, света, свободы, впервые услышавший от своего молодого друга Аббас Сихата новое слово о высоком назначении поэзии, её общественной роли, устремился навстречу этому лучу; он вышел из тесных лавок и замкнутых домов Шемахи на сравнительно более широкую арену, получил возможность говорить на своём поэтическом языке не только с соседями по базару, но и с широкой публикой, с читателями газет, которые начали появляться в Тифлисе и Баку.

Сабир печатает в 1903 году оду, восхваляющую силу печатного слова. В 1905 году появляется его стихотворение «Обращение к согражданам мусульманам и армянам».

В этом стихотворении Сабир раскрывал весь ужас кровавой вражды, искусственно разжигавшейся между азербайджанским и армянским народами, и призывал к миру и братству.

Однако действительный расцвет сабировского таланта начинается с того момента, когда он написал своё первое сатирическое стихотворение, с момента, точно отмеченного в журнале «Молла-Насреддин» маем 1906 года.

Ни появление журнала «Молла-Насреддин», ни перевоплощение тихого и безобидного песнопевца в страстного поэта-бунтаря,

поэта-новатора не были, конечно, случайностью. В. И. Ленин в ряде своих статей дал исчерпывающую характеристику того периода развития общественной мысли народов Востока, когда появился журнал «Молла-Насреддин», с которым связан новый этап развития азербайджанской художественной литературы.

Под влиянием этого демократического, революционного журнала, вызванного к жизни революционной бурей и вдохновляемого революционной борьбой пролетариата, по-новому зазвучали стихи Сабира. Во всём своём блеске развернулся этот редкий талант и ярким светом озарил царство зла и насилия, невежества и религиозного изуверства и, ужаснувшись, обратился к богу полные сарказма недоуменные вопросы:

Из камня высеченный род на что тебе, аллах?
Сердца холодные, как лёд, на что тебе, аллах?¹
Чем зло сильнее, тем с каждым днём смиренней человек,
Народ, сносящий всякий гнёт, на что тебе, аллах?
Когда ни искренность, ни честь, ни правда не нужны,
Тянуть позор из года в год на что тебе, аллах?
Когда из слёз людей нужды сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах?

Едкая, уничтожающая сатира была тем огнём, которого не хватало в прежней поэзии Сабира; она оживила его творчество, она открыла перед ним широчайшие творческие возможности и сделала его любимым поэтом миллионов масс не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока.

III

Первые сатиры Сабира направлены против невежества и религиозного фанатизма, то есть против тех пороков консервативного, феодально-патриархального общества, от которых больше всего страдал сам поэт.

В этих сатирах Сабир разоблачал старые школы-медресе, в которых головы молодёжи забивались ненужным хламом схоластической науки, и методы воспитания в мещанско-патриархальной семье, где ребёнок, предоставленный самому себе, проводил дни на улице и рос бездельником, лодырем и грубияном; беспощадно громил он отравленных ядом фанатизма бакалейщиков, мечтавших о рае, всех этих краснобородых мешади и гаджи, выступавших против всего нового, осуждавших малейшее движение вперёд, к культуре, к прогрессу; поэт оплакивал тяжёлую судьбу азербайджанки, осуждённой на бесправное существование в доме деспота-отца, а затем у старика-мужа, многожёнца, грубого развратника; он выступал против суеверий и предрассудков, отравлявших сознание людей.

¹ Дословно: На что тебе, аллах, люди с каменными сердцами?
На что тебе, аллах, холодная кровь в наших жилах?

Прекрасное знание провинциальной жизни, обычаев и нравов патриархального общества давало Сабиру возможность безошибочно бить по косности и невежеству мусульман, прикрывавших свои пороки напускной святостью.

Обращает ли поэт к невинному, бездомному мальчику, бредущему «с сердцем, плачущим навзрыд», слова утешения и ласки; жалуется ли устами несчастной девочки, проданной родителями какому-нибудь старому мешади; воспроизводит ли он диалог двух фанатиков, предающих проклятию передовую молодёжь, — везде чувствуется непримиримая ненависть поэта к старому миру, полное отрицание всего уклада патриархальной жизни, поработавшей личность, подавляющей всякую попытку мыслить.

Разоблачая тёмные силы феодально-патриархального общества, Сабир в то же время с радостью отмечал и рост нового, светлого, передового, того, чему принадлежало будущее.

Как и весь писательский коллектив журнала «Молла-Насреддин», как и вся демократическая азербайджанская интеллигенция, Сабир был пламенным поклонником передовой русской литературы и культуры, создавал историческое значение культурных связей азербайджанского народа с великим русским народом. Поэтому он особенно гневно обрушивался в ряде своих сатир на космополитствующих буржуазных националистов, слепых поклонников и эпигонов турецкой «культуры», отравленных ядом пантюркизма и панисламизма, заклятых врагов азербайджанского народа, отрицавших его национальную самобытность, большую и передовую культуру, героическое прошлое, светлое будущее.

В сатирах, направленных против космополитов, панисламистов, пантюркистов, Сабир противопоставлял этим изменникам родины положительных героев из трудового народа и преданную ему, кровно с ним связанную демократическую интеллигенцию, исполненную национальной гордости, ведущую борьбу за подлинно передовую культуру, за счастье широких трудящихся масс, за раскрепощение женщины, за свободу личности.

Эти сатиры Сабира носят ярко выраженный гуманистический, патриотический, просветительный характер и продолжают на более высоком социальном уровне лучшие традиции азербайджанских просветителей XIX века во главе с великим писателем и мыслителем-материалистом Мирза-Фатали Ахундовым (1812—1878).

Весь этот цикл сатир Сабира создаёт реалистическую картину жизни и быта мешанско-патриархального общества не только Азербайджана, но и всего мусульманского Востока.

Эти сатиры имели огромное революционизирующее значение в борьбе молодой демократической интеллигенции за новый уклад жизни, за просвещение и культуру. Они были сильным оружием против феодального уклада, помогали пробуждению национального самосознания колониальных народов, открывали перед ними перспективы свободной, культурной жизни, звали к борьбе за человеческие права.

Сатирический талант Сабира рос чрезвычайно стремительно.

Сделавшись постоянным и активным сотрудником журнала «Молла-Насреддин», Сабир по самому своему положению не мог стоять в стороне от политических событий и ограничивать критику общества только сатирами на невежество и фанатизм, призывами к культуре и прогрессу.

С каждой неделей, из номера в номер журнал «Молла-Насреддин», вдохновляемый революционными событиями в России и в ближневосточных странах, особенно в соседнем Иране и Турции, расширял круг вопросов, затрагиваемых в журнале, и со всё возрастающей смелостью ставил большие социально-политические проблемы.

Вместе с журналом рос и Сабир, который всё более и более становился певцом революционного движения, воинствующим поэтом трудящихся масс.

Второй цикл произведений Сабира составляют сатиры, направленные против закабаления крестьян, эксплуатации рабочих, угнетения трудящихся.

Сабир разоблачает в них силу золотого мешка в капиталистическом обществе, беспощадно бичует разжиревших буржуа, выколачивающих последнюю копейку из скудного заработка рабочего, разит беков — помещиков, обирающих крестьян.

В одном из стихотворений Сабира струсивший перед нарастающим рабочим движением капиталист-фабрикант обращается к рабочему, который не желает больше подчиняться своему господину, рвёт цепи рабства. По понятиям этого капиталиста, власть и право принадлежат тому, кто обладает миллионами. Капиталист не мыслит такого положения, при котором и бездомный бедняк, создающий своими руками миллионные богатства, может считаться человеком:

Ты, рабочий, сам объясни: за что уважать тебя?
От мятежных дум отучить нельзя ль нам опять тебя?
Нет, голубчик, нет! Богачи должны в руки взять тебя,
Чтоб ты кланялся, коль наделит чем наша знать тебя!
Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

(«Бакинским рабочим»)

Таких же взглядов придерживается и бек — помещик.

В сатирах Сабира помещик — это тиран, видящий своё назначение лишь в том, чтобы проводить время в бесконечных развлечениях:

Человеческий облик лишь мне по достоинству дан!
Я — потомственный бек, — нет мне дела до всяких крестьян!
За обедом я пьян, и за ужином тоже я пьян!
Таково положенье моё под луной, экинчи!!
Я же бек, а не пахарь, не червь земляной, экинчи!

(«Экинчи»)

¹ Экинчи — пахарь.

У эксплуататоров бесцельно было бы искать справедливости, права, совести, чести. Это общество, поклоняющееся деньгам, видящее весь смысл жизни в накоплении богатств, чуждо простой человечности. Для этого общества народ, культура, родина, человеческая личность и достоинство человека — пустой звук:

Как жизнь свою, я берегу тебя, мой чистоган:
Зря и молле тебя не дам, хоть чту высокий сан!
Он не получит ничего — прочти хоть весь коран!
Голодный, голый, проходи! Для них ли ты мне дан?
Пусть нищий кровью плакать стал — не верю я слезам!
За вас отца и мать отдам, и душу я отдам!

(«Горе скряги»)

Верными мазками негодующий поэт показывает всё бесправие тех, кто трудится в поте лица, создаёт ценности, но живёт в нищете.

В своих социальных сатирах Сабир весь на стороне трудящихся. Зная силу звериного эгоизма и собственнических инстинктов эксплуататоров и богатеев, он считает бессмысленным всякое обращение к их человеколюбию, к их национальному чувству. Поэтому он держит речь непосредственно к самому народу, внушая ему, что не может быть равноправия, единения, братства и мира между богатым и бедным, между помещиком и крестьянином, между фабрикантом и рабочим.

Обращаясь к бедняку-крестьянину, поэт говорит ему с иронией, исполненной гнева и горечи:

Пусть над тобой глумится хан, и пусть тебя изводит бек,
Ты слушай их: они сильны, а ты — убогий человек!
Им угнетать и пировать, тебе же чёрствый грызть чурек.
Спеша работать на господ, ты утром рано не грусти!

(«Не грусти»)

А вот обращение капиталиста к рабочему:

Что ты втёрся в общество? Чепухи не мели, бедняк!!
Слишком стал заносчивым, а сидел на мели, бедняк!

Ищешь человечности? Так, но где же твой сан?
За культурой тянешься, — где богатство, смутьян?
Жаждешь ты величия, как какой-нибудь хан, —
Где же ковры роскошные? Покажи, расстели, бедняк!

Если б вам достоинство дал господь, как и нам,
Он бы вам и золота дал, как всем богачам!
Деньги — доля избранных! Ну, подумай ты сам!
Нет, в чохе² заплатанной будь от блеска вдали, бедняк!

Сколько вы с дерзаньями ерунды нанесли, бедняк!
К чёрту! К бесу! К дьяволу! Убирайся, не зли, бедняк!

(«Аристократическая мелодия»)

¹ В подлиннике — «рабочий».

² Чо х а — верхняя мужская одежда.

В этих и подобных строках Сабир показывал своему читателю — труженику фабрики и земли — звериное лицо эксплуататора, от которого нельзя ждать пощады, жалости, человечности.

В ту пору в статье, посвящённой вопросу о созыве совещаний нефтепромышленников и рабочих, И. В. Сталин писал:

«В том-то и дело, что организовать (в нашем смысле, конечно, а не в смысле гапоновском) — это значит, прежде всего, развивать сознание непримиримой противоположности между капиталистами и рабочими. Лишь бы было такое сознание, а остальное само собой приложится»¹.

Во всех своих сатирах, разоблачающих социальную несправедливость в классовом обществе, Сабир в поэтических образах развивал именно это «сознание непримиримой противоположности» между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Не будучи пролетарским поэтом, даже не понимая до конца характера классовых взаимоотношений во всей их сложности, Сабир прямо не призывал рабочих и крестьян к ниспровержению существующего строя, не ставил и в силу своей идейно-классовой ограниченности не мог ставить вопросов пролетарской революции, но своими яростными выступлениями против угнетателей и тунеядцев, своим беспощадным разоблачением насквозь лживого феодально-помещичьего и буржуазного общества поэт объективно помогал пролетариату в его священной борьбе за своё освобождение.

Сидеть в курятнике не смей, и на дворе ты не торчи:

Смотри, зевнёшь — не избежишь хозяйского кинжала ты.

Ты на яичницу взгляни, взгляни на пламя в очаге,

Напрасно из яиц своих цыпляток ожидала ты.

(«Курица»)

В таких образных выражениях поэт предостерегал трудовой народ от излишней доверчивости к своим хозяевам.

Сабир выступает, как верный сын народа, носящий в своей душе его печаль и горе, как передовой боец, готовый к борьбе, как поэт, выражающий в своих стихах чаяния и надежды трудящегося люда:

Так отдай печаль певцу,
Человек нужды и бед!
Время, чтобы всех скорбей
Стал носителем поэт,
Чтобы стих свободный мой
Над тобою пролил свет,
Чтобы, увидав тебя,
Каждый восскорбел в ответ,
Чтобы образ твой людской
В их глазах оставил след.

(«Подражание»)

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 85.

Эти сатиры имели тем более революционное значение, что вся тогдашняя буржуазная печать призывала «нацию» к единению вокруг ислама, усыпляла трудовой народ шовинистическими речами о великом назначении мусульманства, стараясь всячески затушевать классовую борьбу, лицемерно доказывая, что в среде мусульман классовая борьба бессмысленна и невозможна.

Разоблачая сумасбродные речи буржуазных националистов, панисламистов и пантюркистов, Сабир на фактах из истории, на фактах из современной социально-политической жизни показывал, в какой степени извращают эти враги народа великие идеи патриотизма и народности, как отвлекают они своей трескучей болтовнёй внимание трудящихся масс от непосредственных задач классовой борьбы.

Он показывал, как равнодушны все эти «герои» «национального единения» к действительной славе родины, как презирают они основу нации — простой народ, его язык, его быт, его обычаи и нравы.

Вот как характеризовал И. В. Сталин национализм, на который с такой страстью и непримиримостью обрушивался в своих сатирах поэт:

«А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», мстящих окраинам за их «свободолюбие», — вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма, — всё это факты общеизвестные.

Волна национализма всё сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма»¹.

Сабир, как и весь революционный писательский коллектив журнала «Молла-Насреддин», был враждебен этому контрреволюционному национализму, он стоял на стороне трудового народа.

Как журнальный работник, Сабир откликался своими сатирами на злободневные события в общественной жизни, на самые актуальные вопросы времени. Он делал широкие обобщения из каждого конкретного явления и связывал его с общим течением социальной жизни.

Взять хотя бы такой пример. В 1908 году в б. Зангезурском уезде и в Карабахе разразился голод. В посвящённой этому вопросу сатире «Нам что?» Сабир обращается от имени богачей к «Молла-Насреддину», который пытался было организовать общественную помощь зангезурцам. Расширяя и обобщая конкретный вопрос об оказании помощи голодающим, Сабир проводит параллель между крестьянами, умирающими от голода в занесённых

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 291.

снегом горах Зангезура, и богачами, которые прокучивают деньги в тифлисских кафе-шантанах.

Вот в каких красках рисует Сабир эгоистическое лицо богача в этой сатире:

Всё, что нажил, накопил — отдавать им? Что за бред?
Чтобы лопал это всё зангезурский дармоед?
Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет,—
Ляг бельмо им на глаза, чтобы им не видеть бед.
День и ночь голодный вой, посиневший рот — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрёт — нам что?

Мы оставили пока разорённые дома,
Путь в дома веселья нам указала жизнь сама.
Ах, в Тифлисе много Лиз — красотой сведут с ума.
Тут же люстры светят нам, а к Залхе заглянешь — тьма!
Если эта тьма навек обняла народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрёт — нам что?
(«Нам что?»)

Благодаря этим обобщениям сатиры Сабира приобретали особенную остроту, особенную силу воздействия, били без промаха и, с честью выдержав испытание временем, сохранили всю свою художественную силу и в наши дни.

V

Значительное место в творчестве Сабира занимает цикл его политических сатир, посвящённых революционному движению в России, Иране и Турции.

Стеснённый цензурными условиями, журнал «Молла-Насреддин» не всегда мог открыто высказываться о политических событиях в царской России, поэтому, выступая против тирании и угнетения, он обращал острiotе своей критики главным образом против деспотических режимов в шахском Иране или султанской Турции.

В этих условиях Сабир вынужден был выработать специфический «эзоповский» язык, но читатели журнала понимали его лучше царских цензоров и умели по беглым намёкам угадывать подлинные мысли поэта.

«Пробуждение к политической жизни азиатских народов,— писал в октябре 1908 года В. И. Ленин в статье «События на Балканах и в Персии»,— получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции. Но это пробуждение так медленно перекидывалось с одной страны на другую, что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контрреволюция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав с Россией во главе»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 198. Изд. 4-е.

Начиная с 1907 года Сабир откликается почти на каждое новое событие в ходе революции в Иране и отчасти в Турции.

В сатире «Надежды не сбылись», написанной в октябре 1907 года, Сабир обращается к той части иранских революционеров, которая, увлекшись первыми успехами народного движения, готова была считать борьбу законченной и сложить оружие:

Казнили атабека вы — не отрицаю я ничуть,
Но их же тысячи ещё — или не так я понял суть?
Так скоро обновилась дверь? — О, нет, меня не обмануть!
Молчи, дитя! Усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Допустим, умер атабек, а есть ли ружьям счёт у вас?
Где ваши пушки? — я спрошу. — И где военный флот у вас?
Всё те же баня и ушат. А к новым путь ведёт у вас? ¹
Молчи, дитя! Усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Сатиру свою Сабир заканчивает многозначительными строками:

Ручьи не понеслись пока,
И власть, окраски не сменив,
Свой нос задрала ввысь пока.

В этой сатире поэт призывал революционеров к бдительности, к продолжению вооружённой борьбы против деспотии, так как иранский шах, поддерживаемый силами внутренней реакции и пользовавшийся помощью иностранных империалистических правительств, разделивших Иран на сферы влияния, готовил контрреволюционный переворот. Уже в декабре 1907 года шах попытался разогнать меджлис, но возмущённый народ дал отпор контрреволюции, а тавризские революционеры поставили в порядок дня свержение шаха-деспота.

Сабир внимательно следил за ростом революционного движения на Ближнем Востоке, воспевал его героев, воодушевлял борцов, разил reactionеров.

В сатире «Османец, не верь!», напечатанной в журнале «Молла-Насреддин» 4 августа 1908 года, Сабир, учитывая опыт русской революции, предостерегал турецких революционеров от чрезмерной доверчивости к реакционному правительству Турции, которое, как и царское правительство, пошло вначале на известные уступки, чтобы усыпить бдительность революционеров и потопить освободительное движение в крови народных масс. Разоблачая тайные замыслы султанского правительства, Сабир призывал турок не поддаваться обману, не останавливаться на полпути, быть решительными в борьбе с реакционными силами:

Избранник, что ликуешь ты? Чем ты горда, страна?
Что конституция теперь и Турции дана?
Но для Ирана не была ль трагедией она?
Ох, не одна ведь голова в Иране снесена!

¹ Дословно: старая баня и старый ушат (идиоматическое выражение, означающее: всё осталось по-старому), где же ваш новый цвет (краска)?

И о погибшем сыне мать рыдает не одна!
Нет, конституций и впредь не возрастёт цена!
Не верь, щади родную мать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Свободу слова вам дадут, мол, говори, народ,
Открыто, смело говори о том, что сердце рвёт!
Когда ж министры те слова услышат в свой черёд,
Они смекнут, что ваша речь их по карману бьёт,—
Любими плутнями они закроют правде рот;
Твоё же слово о правах тебе во вред пойдёт.
Не смей собраний созывать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

(«Османец, не верь!»)

Преданный интересам революционной демократии, Сабир своим поэтическим пером пробуждал сознание народных масс, укрепляя их волю к борьбе за человеческие права. Он видел всё большее размежевание общественных сил, на одном полюсе которых собирались чёрные тучи реакции, а на другом сплывалось всё передовое, прогрессивное, революционное.

Его сатира, напечатанная в журнале «Молла-Насреддин» 27 января 1908 года под «нейтральным» заглавием «Фисинджан», является в этом отношении чрезвычайно показательной. В ней поэт уверенно говорит о неизбежности торжества прогрессивных сил над реакцией:

Когда судьба раздавит нас, не думай: всё на слом идёт.
Когда на мельницу пора, крестьянин за мешком идёт.
Таланты родины моей перемешались — не поймёшь!
Просеяв, чистое возьмём, а пыль — за ветерком идёт.
Волненье времени сравнить я с маслобойкою могу:
Айран¹ останется на дне, а масло вверх комком идёт.

В последующих строфах этой сатиры поэт, ограниченный в своём мировоззрении, выдвигает на первый план «просвещённых», как передовую силу:

Ты просвещённым не тверди: — Вы на ошибочном пути!
Здесь о невежестве твоём, здесь речь о нём одном идёт.

Несомненно, в понятие «просвещённые» автор включал самые активные и передовые силы народа, а под «невеждами» подразумевал антинародные элементы, что видно из заключительных строф сатиры:

Молчи, наглец! Не говори: смотрите, мол, какие мы!
Мы тех признаем, кто вперёд, не прячась, прямоком идёт.
Лишь краем глаза своего на бедноту глядите вы,
Спеша туда, где фисинджан², где пир ночной и днём идёт.

Ограниченность мировоззрения поэта, как и всего писательского коллектива журнала «Молла-Насреддин», мешала ему

¹ Айран — сыворотка, остающаяся после сбивания масла.

² Фисинджан — изысканное восточное блюдо.

увидеть особую, ведущую, решающую роль пролетариата в революционной борьбе за освобождение трудящихся масс. Для Сабира существовали два противостоящих друг другу, непримиримо враждебных лагеря — демократии и деспотии, трудящихся и эксплуататоров, народных масс и господствующей верхушки, прогресса и реакции. Точной же дифференциации, происходящей внутри каждого из этих лагерей, поэт не знал. Поэтому он и впадал часто в противоречия, не умея разглядеть разницу в исторических функциях революционного пролетариата, неорганизованного крестьянства, непоследовательной либеральной буржуазии и прогрессивной интеллигенции.

В своих сатирах, касающихся революционных событий в Иране, Сабир часто приводил имена как деятелей революции, так и реакционеров и шахских прихвостней. Таковы из лагеря контрреволюции: сам Мамедали-шах, его военачальник Эйн-уд-Довле, наступавший на революционный Тавриз и наголову разбитый муджахидами («Шахнамэ»), дядя шаха Зилли-султан («Выкладывай сюда!»), ближайший советник шаха — ставленник русского царизма Шапшал («Подражание Физули»), представители реакционного духовенства — Мир-Хашим, впоследствии повешенный революционерами («Изгнание Мир-Хашима»), Гаджи-Мирза-Гасан, изгнанный из Тавриза («Исповедь»), Шейх-Фазлуллах и Мирза-Алекбер («Османец, не верь!») и др.

Из участников революционного движения можно найти в стихах Сабира имена вождя тавризских революционеров Саттар-хана («Саттар-хану» и др.), его ближайшего соратника Багир-хана и некоторых других видных муджахидов, до конца оставшихся верными делу борьбы с шахской деспотией. Однако в числе деятелей революционного движения упоминаются в стихах Сабира также имена главы племени бахтияров Сардар-Асада, крупного феодала Супехдара и дашнака Ефрем-хана («Бунтуют иранцы»). В своих комментариях к книге Сабира «Сатира и лирика» (Хоп-Хоп-намэ) мы, следуя за поэтом, ограничились указанием лишь на участие Ефрем-хана и Таги-заде, Сардар-Асада и Супехдара в иранской революции, не подчеркнув их предательской роли в революции. А между тем, выступив соединёнными силами бахтиярских племён (во главе с Сардар-Асадом) и отрядов гиланских фидаев под командованием Супехдара и Ефрем-хана против Мамедали-шаха в тот момент, когда главные силы контрреволюции были отвлечены революционным Тавризом, они в июле 1909 года взяли столицу Ирана Тегеран. Мамедали-шах бежал. На иранский престол был посажен его несовершеннолетний сын Ахмед-мирза. Вся власть была сосредоточена в руках директории в составе Сардар-Асада, Супехдара и Ефрем-хана, преследовавших в революции личные корыстные цели и сыгравших предательскую роль в революционном движении.

Таким же замаскированным врагом народа и революции ока-

зался матёрый предатель, агент англо-американского империализма Таги-заде.

Воспевая славного вождя иранской революции Саттар-хана, Сабир видел в нём не только азербайджанского или иранского деятеля, но и человека, который, делая национальное дело, одновременно служил интересам всего человечества. Сабир писал восторженные оды герою революции, беспощадно громя его противников:

Тавризцы, честь вам и хвала: вы свой исполнили обет!
Вам рукоплещут друг и враг, вас прославляет целый свет!
И сам пророк в святом раю вам посылает свой привет!
Мой Саттар-хан, отважный мой, живи ты много-много лет!
Ты человечеству служил — не только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала, — неутомимый Саттар-хан!

(«С а т т а р - х а н у»)

Воспитание и социальная обстановка в далёком от промышленных и культурных центров городке с его отсталыми, феодально-патриархальными отношениями не могли не наложить определённого отпечатка на психологию даже такого большого поэта, каким был Сабир. Ограниченность мировоззрения Сабира, обусловленная указанными причинами, проявилась, в частности, и в его взглядах на исламскую религию и её основателя Мухаммеда. И не случайно в приведённой оде вождю тавризских революционеров Сабир ссылается на «пророка в святом раю».

Не будучи атеистом, Сабир всё же своими резкими сатирами на мусульманское духовенство и религиозный фанатизм объективно помогал антирелигиозной пропаганде.

В сатирах Сабира находят поэтическое отражение наиболее значительные этапы развития освободительного движения, которое возглавлял героический народ Южного Азербайджана против деспота Мамедали-шаха, пользовавшегося активной поддержкой царского самодержавия.

В цитированной выше статье «События на Балканах и в Персии» В. И. Ленин вскрывал тайные пружины империалистической дипломатии, пытавшейся задушить революцию в Турции и Иране, и разоблачал контрреволюционную агрессивную сущность политики царского правительства в отношении Ирана:

«18-го (5) октября «Новое Время» поместило громовую статью по поводу того, что «анархия в Тавризе достигла невероятных размеров», что город этот будто бы «наполовину разрушен и разграблен полудикими революционерами». Победа революции над шахскими войсками в Тавризе, как видите, сейчас же вызвала бешенство русского официоза. Вождь революционного персидского войска, Саттар-хан, объявлен в этой статье «адербейджанским Пугачевым»... «Спрашивается, — писало «Новое Время», — может ли Россия терпеть без конца все эти безобразия, которые разоряют нашу миллионную торговлю на персидской

границе?.. Не следует забывать, что все восточное Закавказье и Азербейджан в этнографическом отношении представляют одно целое... Татарские полуинтеллигенты в Закавказьи, забыв, что они русские подданные, отнеслись с горячим участием к тавризским смутам и посылают туда своих добровольцев... для нас гораздо важнее, чтобы смежный с нами Азербейджан был умиротворен. Как это ни прискорбно, обстоятельства могут вынудить Россию, при всем ее желании ни во что не вмешиваться, взять это дело на себя»...

Предстоит новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого»¹.

Лишенный возможности открыто разоблачать в легальном журнале происки царского правительства против революции в Иране, Сабир нападал в своих сатирах на Мамедали-шаха и его верных холопов, пытавшихся задуть революцию хотя бы даже ценой сдачи всей страны иноземному врагу.

На это обстоятельство намекает Сабир в своей сатире «Тебе во благо», где в сатирических тонах бичует Мамедали-шаха, прославившегося, между прочим, и «гостями», которые приглашены были им для расправы с вышедшим из повиновения народом.

А его сатира «Продаю!» исключительно ярко разоблачает продажность шаха, отсутствие в нём малейших признаков патриотизма:

Тегеран продаю, продаю Тегеран!
Пусть стоит над моею страной туман,
Пусть не утро, а ночь, снизойдет на Иран!
Что мне шахский престол? Нет, отныне я — хан!
Сабзавар и Мейам² — не жену продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Представители иранского реакционного духовенства Гаджи-Мирза-Гасан и Мир-Хашим, шахские сановники Зилли-султан и Эйн-уд-Довле, наконец, главный «герой» политических сатир Сабира Мамедали-шах были в одинаковой мере высмеяны и разоблачены поэтом.

Поэт-сатирик не только критикует, но и отрицает, не только разоблачает, но и уничтожает. Мамедали-шах, образ которого дан в этих сатирах с наибольшей полнотой, выглядит настолько отвратительным, что даже простая парижанка отвергает его ухаживания:

Убирайся вон, Мемдели!
Весь в крови твой трон, Мемдели!
Не могу я видеть тебя,
Слыша бедных стон, Мемдели!
Потопил Иран ты в крови!
Я грозы тех лет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

(«Любовные похождения Мемдели в Европе»)

¹ В И Ленин. Соч., т. 15, стр. 203 — 204.

² Сабзавар и Мейам — города в Иране.

Поэт призывает восставший народ к беспощадной расправе со всеми реакционными силами, открыто или тайно выступающими против народа. В сатире «Будущее — наше» он прямо говорит о льве, окружённом тысячами лисиц:

Нет, стала ты теперь и впрямь ареной огненной, страна!
И тем, кто на арене той, отвага львиная дана,
Но хитрость множества лисиц теперь то здесь, то там видна.
Иранцы спят, но вдруг поймут, что вся страна разорена!
«Не мусульманин — муджахид»¹, — твердит лисица не одна.
Что ж, можете свободу клясть: вам глотку не заткнуть никак!
Что ж, говорите: в дом её не поведёт наш путь никак!

В 1911 году, уже после окончательного изгнания Мамедалишаха и созыва меджлиса — иранского парламента, — Сабир обрушивается на буржуазный парламент, обманувший надежды трудящихся масс. В сатире «Отчего погиб Иран?» Сабир показывает, как депутаты меджлиса, якобы представляющие народ, забыв о нуждах народа и интересах государства, занялись своими личными делами, добиваясь чинов, орденов и титулов:

Арену увидав свободной от людей,
Единственную цель признал делец: доход!
И каждый захотел в сановники попасть,
Кто титул раздобыл, тот знатным и сльвёт.

Как подлинный сын трудового народа, Сабир не поддаётся иллюзиям, не верит в буржуазный парламентаризм. Это критическое отношение к буржуазному парламенту было высказано Сабиром ещё в мае 1907 года, когда в сатире «Не вышло ль так, как я сказал?» он писал:

Не ты ли утверждал в те дни, что только Дума всё спасёт?
Не я ль сказал, что есть у нас сомнение на этот счёт?
Скажи, бакинский депутат уехал защищать народ?
Поди ты прочь, ты зелен, брат, — не вышло ль так, как я сказал?
Не ты ли говорил тогда, что Дума обеспечит нас?
Не я ль сказал: поменьше ешь, ведь заболит живот как раз?
Сгустились тучи, ты скажи, спасенье наше где сейчас?
Туман, завеса, снегопад, — не вышло ль так, как я сказал?

Острые политические сатиры Сабира нередко перекликались с революционной деятельностью большевиков. Приведём здесь небольшой отрывок из книги товарища М. Д. Багирова «Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана», относящейся именно к периоду разгрома второй и выборов в третью Государственную Думу:

«Наряду с работой в революционных профсоюзах бакинские большевики проводили большую работу и в массах рабочих, не входивших в профсоюзы. Огромная агитационная и пропаган-

¹ Муджахид — революционный боец.

дистская работа в это время была проведена в связи с разгоном II Государственной думы и выборами в III Думу.

Разъясняя рабочим смысл третьеиюньского государственного переворота, газета «Бакинский пролетарий», руководимая товарищем Сталиным, в своей передовой «Разгон Думы и задачи пролетариата» писала:

«Тем с большей отчётливостью встаёт перед пролетариатом задача свержения царской власти. Подумайте только. Была первая Дума. Была и вторая. Но ни та, ни другая не разрешила — да и не могла разрешить — ни одного из вопросов революции. По-старому остаются: крестьянин без земли, рабочие без восьмичасового рабочего дня, все граждане без политической свободы»¹.

Сатира «Не вышло ль так, как я сказал?», написанная накануне так называемого третьеиюньского переворота в России, показывает то благотворное влияние, которое оказывала на поэта-демократа революционная пропаганда большевистской партии.

Значение политических сатир Сабира не исчерпывается тем, что они дают в большинстве случаев правильную оценку отдельных моментов нарастания и спада революционной волны в России, Иране и Турции и в прекрасных по форме, пронизанных революционной страстью стихах восхваляют революционеров и разоблачают реакцию и деспотию. Они имеют также огромное значение для истории развития азербайджанской поэзии, которая не имела до Сабира таких совершенных образцов политической сатиры.

Сабир впервые утвердил в азербайджанской литературе этот жанр поэзии, развитый в дальнейшем не только его ближайшими и непосредственными учениками, но и многими современными поэтами советского Азербайджана.

VI

Азербайджанский народ обладает богатейшей поэтической культурой, которая создавалась на протяжении многих веков. Среди её творцов можно указать немало поэтов, испытывших свои силы и в области сатиры, причём многие из них поражают своим остроумием, едкостью иронии, глубиной мысли, меткостью образов, тонкостью критики. Однако никому из предшественников не удалось занять в азербайджанской поэзии то место, которое занял в ней сатирический гений Сабира.

Многие из сатир Сабира представляют собой «монологи» представителей отдельных классов; в них поэт даёт законченную характеристику избранного им персонажа, разоблачает его его же собственными признаниями, в реалистических красках создаёт

¹ М. Д. Багиров. Из истории большевистской организации Баку, и Азербайджана, стр. 83.

психологические образы. Таковы помещик, фабрикант, купец, молла, скряга, иранский реакционер, шах, турецкий султан и многие, многие другие враги трудового народа, портреты которых мы можем найти в сатирах Сабира.

Огромную роль в сабировской сатире играет поэтическая ирония, которой наш поэт умел пользоваться с большим мастерством.

Клеймя религиозный фанатизм и невежество и ратуя за просвещение и культуру, Сабир напевал колыбельную песню всему миру ислама, погружённому в глубокий сон:

Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись!

Сон неведенья от глаз не гони ты, не проснись!

Бай-бай, малыш, бай-бай!.

Так всё проспидишь, бай-бай!..

(«С п и»)

Выступая против эксплуатации и угнетения и призывая трудящихся к борьбе за свои права, Сабир говорил обнищавшему, измученному крестьянину:

Вздумал сделать что-нибудь,—сделай, как велит ислам,

Зло помещика сноси, уподобившись ослам.

Сей, коси, а толстый бек с хлебом справится и сам,

О правах своих не знай, спи, доверься небесам!

Спи, не мучься, не вставай против злого, примиришь!

Ты попал в беду, бедняк! Что ж такого? Примиришь!

(«П р и м и р и с ь»)

Становясь на защиту рабочих, Сабир обращался к ним с такой речью:

Ты человек? Что это так, ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Удел твой молотом стучать, не зазнавайся, эй!

О равенстве мечтаешь ты? Не строй пустых затей!

Двугривенный получишь в день — уж ты и богачей?

Миллионом каждый свой пятак ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

(«Р а б о ч е м у»)

В этой же сатире поэт вскрывает классовую сущность капиталистического государства:

Мы — богачи, мы богачи! Почёт и слава — нам!

А если нам дана казна, то и держава — нам!

И власть над ней принадлежит, — подумай здраво! — нам!

Страну добычею зевак ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Такая форма сатиры была доведена Сабиром до совершенства и производила неотразимое впечатление на читателя. Вот почему эксплуататорское общество с самого начала возненавидело поэта, объявив его вероотступником и еретиком. И в то же время народ, широчайшие слои трудящихся сразу признали в нём своего, родного поэта.

У Сабир имеется ряд стихотворений, пронизанных глубоким лиризмом и овеянных грустью («Дитя», «Вспомни», «Подражание» и др.), также героические оды и программные стихи («Саттар-хану», «Я поэт!», «Поэтическая мелодия», «Слово» и др.). Они дают представление как об идейной направленности творчества Сабир, так и о многообразии форм его творчества.

Огромный интерес представляет его программное стихотворение «Поэтическая мелодия», в котором в качестве основных требований к певцу выдвигаются служение правде и добру, неподкупность, искренность, патриотизм:

Не певцу ли светлым быть воплощением дней своих?
И не мира ль бытие в нём отражено всегда?
Счастье, честь родной страны — вечная мечта его,
Сердце чуткое певца к ней обращено всегда.

(«Поэтическая мелодия»)

Сабир до конца дней своих был верен этим идеалам и, выступая со всей силой своего таланта против тирании, гнёта и насилия, восторженно и вдохновенно воспевал свободу:

О фея свободы! С тех пор, как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу тобою лишь биться всегда.
За это не раз порицаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда!

(«О фея свободы!»)

Резкими штрихами набрасывает Сабир образы ханов, беков, купцов, служителей религии, буржуазных интеллигентов и всяких иных представителей угнетения и мракобесия. Поэта интересуют типические черты всего строя феодально-патриархальных и капиталистических отношений, и он даёт в своих сатирах обобщённое отражение окружающего мира, типизируя отдельные явления в сатирических образах и обнажая всю порочность, всю гнусность феодально-помещичьего и буржуазно-мещанского общества.

О реалистическом характере своей поэзии Сабир писал в одном из своих программных стихотворений, «Я поэт!»:

Свободный поэт, я призван моею страной писать
О добрых делах, а также о славе дурной писать
Сияющим — день, а полночь — объятою тьмой писать,
Кривое — кривым, прямое — чертою прямой писать
Читатель, а ты смутился? Не веришь глазам своим?
Иль в зеркало это глядя, ты видишь себя кривым?

Для разоблачения всего безобразия мещанского общества поэт показывает сердцевину своего «героя», срывает маски с врагов народа, облачающихся в обманчивые одежды дружбы.

Пользуясь сатирической формой, Сабир во многих стихах обрушивается на дух покорности и подчинения судьбе, который навязывал господствующий класс народным массам. Он беспло-

шадно вскрывает уродства, привитые народу феодально-патриархальным строем.

В этих, да и во всех других сатирах Сабира его смех исполнен гнева, негодования, бичующего сарказма.

Видя всё несовершенство жизни, темноту и невежество, насилие и гнёт, поэт не предаётся грусти, не льёт слёз, не впадает в уныние, а смело вступает в борьбу.

Вот что писал Сабир в одной из своих газелей 1907 года:

Бушующей со всех сторон я ненавистью окружён:
Утёсом древним под грозой в открытом море мне стоять!

Укоры волнами идут, но чёлн упорства моего
Стоит на прежнем, так всегда при злом угоре мне стоять!

Каких ударов ни обрушь на грудь Бистуна¹ молоток, —
Бистун не дрогнет! Так в любом смертельном споре мне стоять!

Беда ли, если некий час меня предаст небытию, —
Живой мечтой в глазах людей, врагам на горе мне стоять!

(«Когда любимая уйдёт»)

Смех Сабира ядовит, грозен, патетичен. Он не грустит, а горюет, не плачет над пороками общества, а бичует их своей сатирой, не примиряется, а до предела обостряет борьбу.

В своих сатирах, несмотря на всю остроту их сарказма и негодования, или, может быть, благодаря им, Сабир выступает, как подлинный оптимист; в них он не отдаляется от жизни, как бы тяжела и безрадостна она ни была, не ищет спасения где-то в стороне от реальной действительности, каким бы безобразием она ни отличалась, а весь, с головой, окунается в этот водоворот жизни, делается активным участником общественной борьбы, страстным агитатором, трибуном.

Глубокий и тонкий лирик, Сабир все свои сатиры пронизывает определённым настроением; в них слышится страстное биевание большого человеческого сердца, чувствуются гнев и боль, ненависть и любовь, горе и радость. Всё его творчество до самого последнего листка обращено к народу, которому он служит повседневно и ежечасно, служит каждым ударом своего сердца, каждой своей строкой. У него нет стихов равнодушных или написанных ради забавы. Сабир всегда отстаивает интересы народа, всегда на боевом посту, всегда в строю. Поэтому нет и не может быть у него равнодушного читателя.

Чувства, пронизывающие всё творчество Сабира, как нельзя более близки и понятны нам, гражданам великого Советского Союза, показывающим всем народам путь к коммунизму.

¹ Бистун — легендарная скала, на которой камнетёс Фархад высек изображение своей возлюбленной Ширин (из поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин»).

Изучив огромное наследие азербайджанской классической поэзии, испытав на себе благотворное влияние передовой русской культуры, пройдя поэтическую школу у крупнейшего азербайджанского поэта прошлого века Сеид-Азима Ширвани, Сабир создал превосходные по поэтической форме сатиры, отличающиеся богатством красок, многообразием рифм, меткостью образов и метафор.

Для понимания всей прелести его сатир, в которых яркая мысль облечена в чеканную форму, достаточно прочитать только его так называемые подражания другим поэтам, начиная с великого азербайджанского поэта Физули (1500—1563) и кончая поэтами — современниками Сабира. У этих поэтов Сабир обычно берёт форму стиха, размер, часто даже порядок рифмовки и самые рифмы и вкладывает в эти формы новое содержание, создавая, таким образом, поэтические пародии.

В этих пародиях яснее всего можно увидеть решающую роль, которую Сабир отводит содержанию, всегда довлеющему над формой, но никогда не нарушающему её гармонии и красоты.

Форма сатир Сабира весьма совершенна: она гармонирует с глубоким содержанием, добросовестно и честно выполняет отведённую ей поэтом роль — сделать мысль предельно ясной, доходчивой.

Как ни один из дореволюционных азербайджанских поэтов, Сабир широко использовал в своей поэзии народный язык. В этом отношении он был самым решительным и верным соратником Джалила Мамед-Кули-заде (Молла-Насреддина), который вёл в своём журнале борьбу против фальсификаторов самобытного азербайджанского народного языка в литературе.

Вместе с тем Сабир разнообразил свой язык, вкладывая в уста представителей разных слоёв и классов свойственные им слова и выражения. Простой обыватель и духовное лицо говорят у Сабира по-разному.

Последний год своей жизни Сабир наряду с большими сатирическими произведениями писал много четверостиший под заглавием «Тазьянэ» (Бич). Этими четверостишиями, печатавшимися большей частью в ежедневных газетах, Сабир откликался на отдельные события тогдашней политической и общественной жизни. Они носили злободневный, остро обличительный характер, чему соответствует и их название.

Появление этой новой формы обличения связано с пребыванием Сабира в Баку, где поэт оказался непосредственно в центре политической борьбы бакинского пролетариата, и это дало ему возможность ещё более отточить своё поэтическое оружие. Сатиры, написанные Сабиром в Баку, представляют собой новый шаг в развитии сатирического таланта поэта.

Живя в Баку, Сабир, не ограничиваясь активным участием в журнале «Молла-Насреддин», регулярно выступал и в бакинских органах печати; широкая известность Сабира вынуждала редакто-

ров этих по существу буржуазных газет и журналов мириться с участием в их органах явно революционного поэта, который пользовался горячей любовью и широкой поддержкой бакинских рабочих.

VII

В политическом воспитании Сабира, как и всего писательского коллектива журнала «Молла-Насреддин», решающую роль сыграли революционная буря 1905 года и подъём рабочего движения в Закавказье, особенно в его пролетарском центре — Баку.

Наряду с этими революционными факторами огромное влияние оказала на эту группу азербайджанских писателей и общественных деятелей передовая, прогрессивная культура великого русского народа.

Как сам редактор журнала «Молла-Насреддин», так и многие его соратники, получив образование в русских школах, ещё с самых юных лет прониклись революционными, демократическими идеями передовой общественной мысли России и русской литературы. Их любимыми писателями были Пушкин и Гоголь, Белинский и Чернышевский, Некрасов и Щедрин, Лев Толстой, Чехов и Горький. В журнале часто упоминались имена этих лучших представителей великой русской культуры, цитировались их высказывания по различным вопросам социальной и культурной жизни.

Одну из лучших своих повестей, «Курбанали-бек», Дж. Мамед-Кули-заде посвятил великому русскому сатирику Н. В. Гоголю. Активный сотрудник журнала, выдающийся азербайджанский писатель А. Ахвердов считал своим учителем А. П. Чехова. Стихотворениями Пушкина и Лермонтова, рассказами М. Горького в блестящих переводах Аббас Сихата зачитывался Сабир. Под непосредственным влиянием М. Горького развивался талант старого молла-наседдиновского поэта, писателя-коммуниста М. С. Ордубади.

Вся атмосфера в редакции журнала, открывшего непримиримую борьбу с косностью и невежеством, с рабством и гнётом, была насыщена революционным духом передовой русской культуры. Это помогало журналу не замыкаться в узких национальных рамках, ставить вопросы большого общественного значения, развёртывать борьбу в широких масштабах, выдвигать передовые для Востока идеи, сплачивать вокруг себя наиболее активные, наиболее прогрессивные силы демократии. Это же помогало журналу стать проводником демократических идей на Востоке, смело выступать против догм ислама, против восточной деспотии, против закрепощения женщин.

Сабир находился в самом центре этого благотворного влияния русской революционной мысли, великой русской литературы. Огромный талант и чуткое поэтическое сердце помогли ему со-

здать бессмертные произведения, национальные по форме и революционные по содержанию.

Ясно сознавая всё значение своей поэзии, Сабир писал в стихотворении «Моя душа»:

Уйдёшь ты, уйду я с тобой заодно!
Мы — пленники в немоющем теле, увы!
Враги! Моей смерти не радуйтесь вы:
Покуда есть мир, мне пропасть не дано!

Когда я уйду, ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зари!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

Сабир был весь устремлён в будущее, видел и отмечал почти во всех сатирах едва заметные ростки этого будущего и заботливо, самоотверженно защищал их от ядовитого дыхания реакции. Его поэзия была реалистической, целеустремлённой, революционной, гражданской. Сабир по праву стал первым из первых революционных поэтов дооктябрьского Азербайджана и всего Ближнего Востока, он воспитал и выдвинул целую плеяду талантливых поэтов-сатириков, поэтов-сабировцев.

В числе их первым и наиболее активным был уроженец Гянджи (Кировабад) Али Назми (1882—1946), писавший в «Молла-Насреддине» под псевдонимами «Мешади-Сижимкули» и «Кефсиз» (Недомогающий). Редактор журнала ставил его сатиры на один уровень с сатирами его учителя Сабира. Острое оружие, выкованное в сотрудничестве с Сабиром, пригодилось Али Назми и после торжества социалистической революции в Азербайджане, в борьбе против врагов власти Советов, против саботажников и лодырей, против вельмож и подхалимов, против взяточников и бюрократов, против англо-американских империалистов и колонизаторов. В годы Великой Отечественной войны советского народа Али Назми часто выступал с сатирами на бесноватых фашистских главарей — Гитлера и Риббентропа, Геббельса и Гимmlера, зло высмеивал их бредовые планы мирового господства, их сумасбродные надежды на блицкриг, на захват столицы Советского Союза, на захват Кавказа и Баку¹.

Талантливым учеником и соратником Сабира был земляк редактора журнала «Молла-Насреддин», нахичеванец Аликули Наджафов Гамгюсар (1884—1919), известный под псевдонимом «Джувеллаг-бек» (Бек-плут). Этот поэт-сабировец изобличал нахичеванское духовенство, фанатиков и мракобесов этого города, в котором особенно чувствовалось тлетворное влияние смежного феодального Ирана. В бурные дни гражданской войны в Закавказье после Октябрьской социалистической революции, в дни ту-

¹ Эти сатиры Али Назми выпущены в Баку издательством Азернешр в 1945 году под названием «Сатирические сваряды».

режкой интервенции и господства в Азербайджане заклятых врагов народа — мусаватистов — он выступал против власти ханов и беков, против английских интервентов. Аликули Наджафов был убит из-за угла в Тифлисе при власти презренных грузинских меньшевиков. Участие азербайджанских мусаватистов, грузинских меньшевиков и турецких головорезов в этом убийстве передового азербайджанского поэта-революционера не вызывает сомнений, так как своими сатирами поэт активно участвовал в борьбе революционного народа против изменников родины и иноземных захватчиков.

Видным поэтом-сабировцем был и Мамед-Саид Ордубади (1872—1950), старый революционер, участник освободительного движения в Южном Азербайджане, возглавлявшегося знаменитым Саттар-ханом. После установления советской власти в Азербайджане М. С. Ордубади написал романы о революционном движении в Южном Азербайджане (четырёхтомный роман «Тавриз туманный») и в Баку («Подпольный Баку», «Борющийся город»), а также двухтомный роман, посвящённый эпохе Низами («Меч и перо»).

Как поэт-сабировец начал свою литературную деятельность крупнейший советский драматург Джафар Джабарлы (1899—1934). Тогда Сабира уже не было в живых, но его сатиры продолжали активно участвовать в жизни и борьбе народа и привлекать к себе симпатии передовых слоёв интеллигенции. Молодой Дж. Джабарлы написал много сатир, в которых выступал против ханов и беков, против помещиков и капиталистов, призывая трудящихся к борьбе против своих притеснителей.

Влияние Сабира-сатирика далеко не ограничивается одним Азербайджаном. Сабир имел своих учеников и последователей и за рубежами родной страны. Наиболее деятельным и видным из них является уроженец Южного Азербайджана Мирза-Али Моджуз Шебустари (1873—1934), который, подобно Сабиру, вёл у себя на родине борьбу против иранских феодалов и реакционеров, будил мысль своего народа, изобличал продажное духовенство, клеймил позором иранских шахов, жестоко угнетавших азербайджанский народ по ту сторону Аракса.

На протяжении почти полувека поэзия Сабира оказывала и продолжает оказывать влияние на поэтов Советского и Южного Азербайджана. В Южном Азербайджане авторов революционных сатир сажают в темницы, выселяют из родных краёв, вешают и расстреливают, их произведения сжигают иранские реакционеры. Но непокорённый народ хранит память этих поэтов-героев, повторяет их пламенные патриотические стихи.

А у нас, в советском Азербайджане, в периодической печати часто появляются фельетоны в стихах, напоминающие сабировские сатиры. Особенную остроту принимают их сатиры, когда они говорят о поджигателях войны, о душителях национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных стра-

нах, о кровавых планах американских империалистов, о продавшихся им правительствах «маршаллизованных» западноевропейских государств.

Так по сей день живёт и развивается, борется и разит врагов свободы и человеческого счастья сабировская сатира.

VIII

Сабир ещё при жизни пользовался в Азербайджане большой популярностью. Во время болезни поэта редакция журнала «Молла-Насреддин» открыла сбор пожертвований в пользу тяжело больного Сабира, который терпел нужду. В № 15 от 23 апреля 1911 года было помещено в журнале обращение редакции к читателям о помощи больному поэту.

Это обращение, повторённое и в следующем номере журнала, нашло довольно широкий отклик, и уже с № 17 журнала, то есть спустя две недели после первого обращения редакции, на его страницах появился раздел:

«Список уважаемых лиц, приславших пожертвования для нашего больного поэта, и сумма их пожертвований».

В этом списке нашло яркое отражение отношение к великому поэту-демократу различных кругов тогдашней азербайджанской общественности. В нём нет ни одной фамилии из более или менее видных капиталистов, помещиков, дворян или духовенства. Это и не удивительно. Представители господствующих классов ненавидели народного поэта, преследовали его и со злорадством ожидали его смерти. Карикатура, помещённая в журнале «Молла-Насреддин» в дни болезни Сабира, правильно отражает злопыхательство духовенства и фанатичной толпы тулиц по поводу болезни человека, который беспощадно срывал с них маски святости, обнажал их пороки, потрясал основы мира невежества и тунеядства.

В этой группе издевающихся над больным поэтом явно не хватает царских жандармов, иранских палачей, турецких реакционеров, англо-американских колонизаторов, азербайджанских ханов и беков, помещиков и капиталистов, которым также немало доставалось от язвительной иронии, от уничтожающей сатиры Сабира. Они все имели основание ненавидеть поэта, открыто выступавшего против их кровавой власти.

Сабир был не одинок. Широкие массы трудящихся, передовая интеллигенция окружали его своей любовью, заботой и вниманием. Они чутко отозвались на обращение журнала о помощи больному поэту.

Пожертвования поступали в редакцию журнала из Джульфы и Нахичевани, из Гянджи и Нухи, из Темирхан-Шуры (Буйнакска) и Ашхабада, из Киева (от студентов) и Ляки, из Батума и Ленкорани... Один лишь перечень этих географических пунктов свидетельствует о том, что Сабира почитали и любили далеко за пре-

делами родного Азербайджана, повсюду, куда проникал журнал «Молла-Насреддин».

Всенародная любовь к Сабиру нашла новое подтверждение и после смерти поэта. Два издания его книги «Хоп-Хоп-намэ», выпущенные Аббас Сихатом до победы социалистической революции в Азербайджане, разошлись с необычной для тогдашнего времени быстротой, хотя цена на них была установлена повышенная — вся выручка должна была пойти в пользу многочисленной семьи Сабира, фактически оставшейся без средств к существованию.

Собственнический мир жестоко мстил поэту при его жизни, довёл его до преждевременной смерти, а после него продолжал мстить и его семье, обрекая её на голод и нищету.

Однако самому этому миру оставалось жить недолго. Прошло неполных девять лет после смерти поэта, как азербайджанский народ, руководимый непобедимой партией Ленина — Сталина, при дружеской помощи великого русского народа свергнул иго помещичье-капиталистической власти и объявил свой Азербайджан Советской социалистической республикой.

Тогда-то и пришла к Сабиру подлинная слава.

Народ, ставший полновластным хозяином всех материальных и духовных богатств своей страны, принявшийся за перестройку своей земли на новой, социалистической основе, не мог не вспомнить о лучших своих сынах, которые в прошлом, в условиях чудовищного гнёта, боролись за светлое будущее, не мог не вспомнить и о СабIRE, пламенном певце свободы, певце революции.

В первые же годы установления в Азербайджане советской власти было предпринято издание полного собрания произведений Сабира. Тогда же был поставлен поэту памятник в центре города Баку, там, где высится сейчас и величественный памятник гениальному азербайджанскому поэту Низами и где на фасаде здания музея Низами стоят шесть фигур выдающихся деятелей азербайджанской литературы и культуры — Физули, Вагифа, Мирза-Фатали Ахундова, поэтессы Натеван, Джалила Мамед-Кули-заде (Молла-Насреддина) и Джафара Джабарлы.

Одна из крупнейших библиотек города Баку названа именем Сабира. Имя великого поэта присвоено ряду школ и культурно-просветительных учреждений. Наконец, именем Сабира назван целый район в Азербайджанской ССР с центром Сабирабад.

Стихотворения Сабира изучаются советской детворой Азербайджана; о творчестве Сабира пишутся диссертации на соискание учёных степеней.

Только при советской власти, в социалистическом обществе Сабир стал подлинно всенародным поэтом, общепризнанным мастером политической сатиры, национальной гордостью азербайджанского народа. Общепризнанная популярность Сабира не ограничивается пределами одного советского Азербайджана или Закавказья. Товарищи, побывавшие во время Великой Отечественной войны в Южном Азербайджане (Иран) с Советской Армией, рас-

сказывали автору этих строк, с каким воодушевлением читались сатиры Сабира в городах и сёлах зарубежного Азербайджана.

В годы Великой Отечественной войны советские бойцы-азербайджанцы вместе с томиками наиболее любимых советских поэтов увозили с собой на фронт и пронизанные страстным гневом против поработителей и деспотов стихи Сабира.

Во время подъёма освободительного движения в Южном Азербайджане в 1945—1946 годах трудящиеся азербайджанцы, курды, армяне, измученные тиранией новой династии иранских шахов Пехлеви, шли на борьбу за национальную независимость, за свободу, распевая дышащие ненавистью к иранским палачам сатиры Сабира.

И ныне пламенные сатиры певца свободы и народного счастья Сабира служат делу борьбы великого советского народа за укрепление мира, за торжество коммунизма, делу борьбы всех свободолюбивых народов мира против ига англо-американского империализма, против поджигателей войны, против гнёта и эксплуатации.

Народы нашей необъятной страны, оберегающие всё лучшее, что создано человеческим гением, и свято хранящие память лучших своих сынов, по достоинству ценят и любят народного поэта, гневного сатирика, пламенного патриота Сабира, которым по праву гордится азербайджанский народ.

Цена 60 коп.

ВКЛАДЫ
в сберегательные кассы
способствуют
дальнейшему развитию
Народного Хозяйства СССР

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ПРИНИМАЮТ ВКЛАДЫ до востребования, срочные
выигрышные, условные и на текущие счета;

ВЫДАЮТ ВКЛАДЫ по первому требованию вклад-
чиков;

ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ из одной сберегательной
кассы в другую;

ВЫДАЮТ И ОПЛАЧИВАЮТ АККРЕДИТИВЫ;

ПРОДАЮТ И ПОКУПАЮТ облигации Государствен-
ного 3% внутреннего выигрышного займа;

ВЫПЛАЧИВАЮТ ВЫИГРЫШИ по облигациям госу-
дарственных займов.

**Вносите вклады
в Сберегательные Кассы!**

